

Изъ жизни инженера путей сообщенія ¹⁾.

Г Л А В А IV.

Владивостокъ.—Общее впечатлѣнiе.—Сравненiе Владивостокскаго Порта съ Портъ-Артурскимъ.—Тяжелыя условiя жизни.—Мое Владивостокское „сидѣнiе“.—Уссурiйская желѣзная дорога.—Хабаровскъ.—Страничка изъ исторiи Приамурскаго края.—Плаванiе по р. Амуру.—Рѣка Сунгари.—Мало-Хинганское ущелье.—Попутныя прибрежныя станицы: Михайло-Семеновская, Радде, Поярковая; города Айгунъ и Благовѣщенскъ.—Рѣка Шилка.—Стрѣтенскъ и Забайкальская дорога.—Чита. Верхнеудинскъ.—„Тараканiй уловъ“, Мысовая, Байкалъ, Лиственничная и Иркутскъ.—Сибирская желѣзная дорога.

Всѣ мы ежились и кутались въ теплое, не будучи въ состоянiи послѣ теплаго, мягкаго, ласкающаго воздуха Японiи, которую мы только-что покинули 14 апрѣля, сразу освоиться съ 12-ти градусною температурою и рѣзкимъ ледянымъ вѣтромъ, которыми столь негостепрiимно встрѣчалъ насъ Владивостокъ.

Передъ нами, у подножiя довольно высокxъ горъ, съ еле зеленѣющею травкой, широко раскинулся амфитеатромъ нашъ русскiй Санъ-Франциско, занимающiй, какъ оказывается, сѣверный и западный берегъ обширнаго Золоторожскаго залива и восточное побережье Амурской бухты.

Владивостокъ увидѣлъ впервые русскiй флагъ 20-го iюня 1860 г., когда прапорщикъ Комаровъ высадился сюда съ транс-

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

порта Маньчжурь. Въ 1862 г. онъ дѣлается уже портомъ, и съ тѣхъ поръ начинается непрерывный ростъ города, растянутаго нынѣ въ длину на семь слишкомъ верстъ. За послѣдніе два года, особенно послѣ того, какъ окончательно выяснилось, что Владивостоку выпадаетъ на долю быть одною изъ оконечностей великаго Сибирскаго пути, городъ этотъ сталъ расти не по днямъ, а по часамъ. Такъ, въ періодъ 1897—1898 г.г. выстроено болѣе 400 каменныхъ, большею частью 2-хъ этажныхъ домовъ, а за время съ 1 января по 1 іюня того же года находилось въ постройкѣ еще свыше 180 такихъ же домовъ.

Опасеніе, что увеличеніе значенія Владивостока затормозится тѣмъ, что рейдъ его замерзаетъ, нынѣ почти совсѣмъ уже исчезло, благодаря тому, что, какъ показалъ шестилѣтній опытъ съ 1893 по 1899 годъ, зимняя работа имѣющагося здѣсь парового ледокола „Силачъ“ вполне достаточна, чтобы поддерживать свободнымъ выходъ изъ порта въ открытое море, несмотря на весьма сильныя—подчасъ, морозы. Работа ледокола разбивается на два періода, когда ледъ еще тонокъ, то ежедневными многократными рейсами „Силачъ“ поддерживаетъ свободный отъ льда каналъ, по которому прочія суда могутъ выходить въ открытое море и обратно входить въ гавань. По мѣрѣ утолщенія льда, онъ сначала ослабляется взрывомъ небольшихъ минъ, послѣ чего уже пускается въ ходъ ледоколъ. Во время же особенно сильныхъ морозовъ, когда только-что очищенное отъ льда пространство тотчасъ покрывается льдомъ, смерзающимся почти что подъ кормомъ только что пробившагося ледокола, приходится иногда помогать его работѣ, нѣсколькими предварительными вспомогательными дѣйствіями, а именно, намѣчаютъ по льду широкій каналъ (отъ 50 до 70 футовъ шириной), раздѣляютъ его провѣшиваніемъ нѣсколькихъ параллельныхъ линій на отдѣльныя полосы (обыкновенно 4); насѣкаютъ эти полосы топоромъ, затѣмъ черезъ каждыя 7 сажень пробиваютъ лунки (проруби) для пилъ. Команды пильщиковъ (изъ матросовъ мѣстнаго экипажа) начинаютъ черезъ эти лунки пилку льда (толщина льда иногда свыше 40"). Вслѣдъ за образуемыми такимъ путемъ „рѣзами“ подвигается уже и самъ ледоколъ, ломая подъ себя ледъ. Послѣдній выводится обыкновенно нанятыми на сей предметъ рабочими-китайцами (ман-зами) внѣ предѣловъ канала.

Если принять во вниманіе, что въ настоящее время у насъ уже имѣется ледоколъ болѣе совершеннаго типа „Ермакъ“, то можно почти съ увѣренностью сказать, что Владивостокскій

рейдъ должно считать открытымъ для судоходства круглый годъ. По своей обширности, защищенности отъ вліянія штормовъ, Владивостокская гавань куда выше сравнительнаго крошечнаго, видѣннаго нами Артурскаго порта. Даже, если углубить его западную бухту, что несомнѣнно потребуетъ грандіозныхъ затратъ, то тогда, конечно, будетъ достаточно мѣста для стоянки военныхъ судовъ, но отнюдь не для торговыхъ судовъ. О величинѣ Портъ-Артурской гавани въ настоящее время можно судить по тому, что судну, сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, крайне тяжело сдѣлать надлежащій поворотъ отъ набережной къ выходу на рейдъ.

Такъ, по окончаніи послѣдней Японско-Китайской войны, одинъ изъ японскихъ большихъ транспортовъ, нагруженный возвращавшимися на родину войсками, отчаливая подъ звуки военной музыки отъ набережной, съ трескомъ засѣлъ своимъ носомъ, при поворотѣ, на отмели бухты; пришлось перегружать войска и грузъ на другое судно. Стоянка же судовъ на рейдѣ передъ Портъ-Артурскою гаванью далеко небезопасна даже для большихъ военныхъ судовъ: при свирѣцствующихъ въ Печелійскомъ заливѣ тайфунахъ, судамъ приходится отставаться подъ парами на якоряхъ, рискуя быть разбитыми о прибрежные утесы, или же уходить въ открытое море.

Если же оградить рейдъ молами, что, въ свою очередь, потребовало бы грандіозныхъ затратъ, то при господствующихъ на Квантунскомъ полуостровѣ сильныхъ морозахъ (по послѣднимъ наблюденіямъ до 20° Р.), море, лишенное главнаго фактора, препятствующаго образованію льда, — волны, будетъ замерзать, и потребуются опять таки ледоколы для прорубки канала по рейду. Что касается до Талиэнванской бухты, гдѣ стоитъ знаменитый городъ „Дальній“, то, при всей своей обширности, она такъ мелка, что работы по ея приспособленію къ условіямъ доступа глубоководящихъ судовъ обойдутся въ сотни милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ всѣ преимущества коммерческаго порта съ широкимъ будущимъ, повидимому, на сторонѣ Владивостока. въ этомъ невольно убѣждаешься, когда посмотришь на картину крайняго оживленія, которую представляетъ его рейдъ: помимо сотенъ китайскихъ джонокъ, японскихъ шхунъ и русскихъ пароходовъ Добровольнаго флота, купца Шевелева, нашихъ военныхъ судовъ Сибирской флотиліи, почти ежедневно въ приходѣ множество иностранныхъ: норвежскихъ, германскихъ, американскихъ и англійскихъ судовъ. Съ проведеніемъ же

Амурской дороги количество это несомнѣнно удвоится, если не утроится.

Гораздо болѣе важнымъ и опаснымъ препятствіемъ судоходству являются мѣстные туманы, изъ-за которыхъ суда иногда по 2—5 сутокъ не могутъ ни войти съ открытаго моря во Владивостокскій рейдъ, ни выйти изъ него. Здѣшній туманъ не имѣетъ ничего общаго съ нашими европейскими туманами: при совершенно ясномъ небѣ, иногда чуть ли не въ самый полдень, вы видите надвигающееся съ горизонта какое-то блѣсоватое низкое облако. Облако это быстро окутываетъ весь рейдъ и городъ. Оно или останавливается, задержанное высокими горами, окаймляющими побережье, на продолжительное время, или же быстро проходитъ вдоль горъ, напоминая какъ бы туманную, если можно такъ выразиться, метель, обливающую своею влажною пылью (сѣждаетъ, какъ говорятъ здѣсь) поверхность горъ, дома и платье прохожихъ, и тогда такой туманъ кратковременный. Такіе туманы, къ сожалѣнію, весьма часты во Владивостокѣ и за 5¹/₂ недѣль моего пребыванія въ этомъ городѣ, рѣдкій день мнѣ не приходилось слышать заунывнаго воя паровой сирены на входномъ маякѣ, предупреждающей въ туманное время суда о надлежащей осторожности. Но, въ свою очередь, не свободенъ отъ тумановъ и Портъ-Артуръ.

Ростъ Владивостока былъ бы гораздо значительнѣе, если бы, по общему отзыву мѣстныхъ жителей, условія жизни были нѣсколько иныя: здѣсь нѣтъ ни благодатнаго климата, ни роскошной поэтической обстановки, какъ на другихъ окраинахъ Россіи, на примѣръ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, ни дешевизны—все сурово, и во всемъ недостатокъ и трудности. Дороговизна баснословная. Царствующій здѣсь духъ каторги и ссылки вѣнчаетъ тяжелое впечатлѣніе, и весьма многіе стремятся отсюда исключительно, чтобы освободиться отъ ежедневнаго созерцанія темной стороны человѣческой души.

Особенно тяжело отзываются условія здѣшней жизни на пріѣхавшихъ изъ Европейской Россіи людяхъ интеллигентнаго класса. Тоска по далекой родинѣ, гнетущее чувство одиночества и неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, въ соединеніи съ непривычнымъ климатомъ, разстраиваютъ нервную систему и порождаютъ неодолимое желаніе уѣхать изъ края. Прибавьте къ этому почти ежедневныя убійства, совершаемыя, большею частью, бѣглыми каторжниками (на улицахъ Владивостока по ночамъ ходятъ военные патрули), а днемъ частыя погребальныя процессіи, кои, въ силу самаго расположенія

города (его растянутости), слѣдуютъ почти всѣ по его главной улицѣ (Свѣтланской),—и вы легко себѣ представите, что владивостокскому жителю живется далеко не сладко. Вотъ почему нигдѣ, кажется, не ищутъ забвенія въ винѣ въ такой мѣрѣ, какъ въ этомъ непривѣтливомъ городѣ. Здѣсь пьютъ всю съ утра и до поздней ночи, и кончаютъ или самоубійствомъ или сумасшествіемъ. Въ статьѣ „Положеніе гражданскихъ душевнобольныхъ во Владивостокѣ“ мы находимъ по сему поводу нѣсколько вѣскихъ указаній:

„Какъ ни прискорбно, говорить эта статья, но приходится отмѣтить слѣдующій фактъ. Здѣсь, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, во главѣ съ Владивостокомъ, случаи душевныхъ заболѣваній констатируются довольно часто. Душевнобольные встрѣчаются, какъ среди гражданъ, такъ и среди военныхъ и моряковъ... Душевные заболѣванія наблюдаются большею частью среди пріѣзжаго элемента. Почти всѣ пріѣзжающіе сюда на жительство—уроженцы Европейской Россіи. Попавъ въ этотъ туманный и сырой край, они не находятъ здѣсь того, что оставили дома—родину: тѣ же здѣсь русскіе люди, но какъ-то мало они похожи на тѣхъ, которые населяютъ русскіе города. Общественной жизни нѣтъ: все разбито на группы, преслѣдующія каждая отдѣльныя цѣли, имѣющія отдѣльные интересы. Общности между ними никакой. Примкнуть къ какой-нибудь изъ нихъ очень трудно, на новичка смотрятъ подозрительно. Развлеченій, бодрящихъ душу, нѣтъ. Пріѣзжій, присматриваясь, начинаетъ убѣждаться, что здѣсь главный жизненный девизъ: „сорвать и удрать“, и на немъ зиждется здѣшняя „борьба за существованіе“. Если онъ сумѣетъ усвоить этотъ девизъ, пристать къ такому движенію—онъ спасенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлается настоящимъ владивостокцемъ и забудетъ свою далекую родину. Не удастся это, не сможетъ человекъ—ему остается топить свободное время въ винѣ и картахъ, но не всѣ могутъ поступать такъ.

„И вотъ подъ вліяніемъ разочарованія (вѣдь многіе идутъ сюда, мечтая быть піонерами въ новомъ, еще неиспорченномъ краѣ), подъ давленіемъ все сильнѣе и сильнѣе угнетающей тоски по далекой родинѣ, бѣдный умъ начинаетъ мутиться, душа заболѣваетъ, и бѣднякъ, недавно полный силъ и радужныхъ надеждъ, или пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, или сходитъ съ ума. Если заболѣвшій служитъ въ морскомъ или военномъ вѣдомствахъ, то ему есть еще надежда на выздоровленіе, его на казенный счетъ отправляютъ въ Европейскую Россію въ

спеціальныя психіатрическія заведенія для излѣченія. Гражданскіе больные лишены этого: для нихъ единственнымъ пріютомъ является мѣстная городская больница.

„Городская больница состоитъ всего изъ 2-хъ зданій: одно 2-хъ этажное, другое—одноэтажное. Первое и есть собственно больница; во второмъ ранѣе предполагалась баня, а теперь въ немъ помѣщаются душевно-больные. Оно уже переполнено ими, и ихъ уже начинаютъ помѣщать въ большой корпусъ. Какъ въ маленькомъ зданіи, такъ и въ большомъ, умалишенные лежатъ совмѣстно съ больными другими болѣзнями. Болѣе буйные, хотя и изолированы въ отдѣльныхъ комнатахъ, но все-таки стѣны этихъ комнатъ настолько тонки, что громкіе крики ихъ доходятъ и до другихъ больныхъ.

„Врачебная помощь сумасшедшимъ ограничивается только самыми простыми медицинскими успокоительными средствами. Врачи, при всемъ желаніи, ничѣмъ инымъ помочь имъ не могутъ, потому что сами ничего для этого не имѣютъ. Спеціалиста врача-психіатора нѣтъ, тогда какъ лѣченіе душевно-больныхъ именно требуетъ такого спеціалиста, который только имъ бы могъ посвятить все свое время. Больничная прислуга крайне недостаточна, чтобы достаточно бдительно слѣдить за умалишенными. къ тому же состоитъ она почти вся изъ китайцевъ (русскіе, по ограниченности жалованья, не уживаются), для которыхъ пожалуй и не совсѣмъ понятны страданія и муки душевно-больного“.

Послѣ необходимыхъ карантинныхъ формальностей у брандъвахты, мы тихо вошли въ Золотой Рогъ и черезъ нѣсколько минутъ пристали къ прекрасной, недавно только оконченной, пристани близъ складовъ Добровольнаго флота. Еще на пароходѣ меня предупреждали, что пріисканіе пристанища во Владивостокѣ сопряжено иногда съ громадными затрудненіями, такъ какъ гостиницъ весьма немного и въ періодъ разгара навигаціи онѣ бываютъ почти всегда биткомъ набиты. Посему первымъ шагомъ моимъ было броситься чуть-ли не бѣгомъ къ рекомендованной мнѣ гостиницѣ „Московское подворье“, гдѣ за сравнительно умѣренную плату можно было, какъ говорили, найти надлежащую чистоту и „европейскія“ удобства. Но по дорогѣ мнѣ попались навстрѣчу уже ранѣе меня успѣвшіе добѣжать туда сотоварищи по плаванію, сообщившіе, что въ этой гостиницѣ нѣтъ ни одного свободнаго номера. Пришлось волей-неволей направиться къ считающейся здѣсь почему-то самою модною гостиницѣ „Тихій Океанъ“. За грязный, пыльный но-

меръ, обставленный, съ одной стороны, обтрепанною штофною мебелью, полусломанными китайскими шкафчиками и этажерками изъ чернаго дерева съ перламутровыми инкрустаціями и китайскими же вышитыми шелками ширмами, съ другой же, съ жалкимъ жестянымъ дырявымъ рукомойникомъ и старою, полусломанною двуспальною кроватью, посреди которой лежалъ односпальный убогій мочальный тюфячекъ — пришлось платить по 5 рублей въ сутки, не считая особой платы за самовары, постельное бѣлье, свѣчи и т. п. Контрастъ разительный съ тою гостиницею, гдѣ я только-что останавливался за двое сутокъ передъ симъ, въ Нагасакахъ. Здѣсь за тѣ же 5 руб. въ сутки у меня былъ чудный громадный номеръ, съ англійскою широкою мягкою постелью, роскошнымъ умывальнымъ мраморнымъ столомъ съ 2-мя рукомойниками, 4 кувшинами, 4 полотенцами, ванной съ холодной и теплою водою, постельнымъ бѣльемъ, электрическимъ освѣщеніемъ и полнымъ пансіономъ: утреннимъ чаемъ, утреннимъ завтракомъ, полуденнымъ, болѣе обильнымъ, завтракомъ, дневнымъ чаемъ, обѣдомъ изъ 10—12 блюдъ и вечернимъ чаемъ.

Если такъ хорошъ былъ мой номеръ въ „Тихомъ Океанѣ“, то еще лучше были его „прочія удобства“. Заключались они въ комнатѣ съ двумя дверями: одна дверь выходила на чердакъ, подъ крышей котораго спала китайская часть прислуги гостиницы, а другая — входная изъ корридора. Посреди комнатки 2 деревянныхъ, переносныхъ стульчака, чистота которыхъ не поддается никакому описанію. Крючковъ или замковъ ни у той, ни у другой двери не было. Остальное предоставляю воображенію читателей.

Гостиница эта перестроена изъ какого-то кафе-шантана, при чемъ владѣльцу ея въ свое время была дана, какъ говорятъ, правительственная субсидія 30.000 рублей. Нынѣ владѣлецъ, уплативъ субсидію обратно, рѣшилъ, что лучше будетъ возвратиться къ прежнему: приспособить при гостиницѣ театръ и строить при ресторанѣ „зимній садъ“.

Попробовавъ „отравы“ мѣстнаго ресторана, иначе выразиться не нахожу возможнымъ, я воспользовался любезнымъ разрѣшеніемъ капитана „Херсона“ и во все время стоянки сего послѣдняго во Владивостокѣ столовался въ ресторанѣ на пароходѣ, чѣмъ въ значительной степени обязанъ охраненіемъ своего желудка отъ жестокаго катарра. Дѣло въ томъ, что и во всѣхъ прочихъ ресторанахъ Владивостока, напримѣръ, въ мѣстномъ „Эрмитажѣ“ — „Золотомъ Якорѣ“ все готовится на маргаринѣ,

въ виду непомерной дороговизны масла (90 коп. чухонское и отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. сливочное). Коровъ здѣсь вообще почему-то крайне мало, несмотря на полную возможность держать скотъ, благодаря достаточному количеству пастбищъ. Цѣна на скотъ баснословная; такъ, рестораторъ „Херсона“, купившій въ Одессѣ 4 коровы для продовольствія пассажировъ во время плаванія, продалъ ихъ во Владивостокѣ по цѣнѣ отъ 200 до 250 рублей. За маленькую творожную пасху, купленную въ мѣстной булочной, пришлось мнѣ заплатить 4 рубля. Въ соотвѣтствіи съ цѣной на молочные продукты находятся цѣны и на большинство прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Мясо, кромѣ того, плохого качества. Мѣстныхъ овощей въ продажѣ нѣтъ, а привозимыя изъ Японіи также дороги (8 коп. огурецъ). Пиво 1 руб. за бутылку. Бутылка хорошей сельтерской воды 30 коп. и т. д.

Устроившись кое-какъ въ гостиницѣ, я отправился познакомиться съ городомъ. Была Великая Суббота, но ничто на улицахъ не предвѣщало близости Свѣтлаго Праздника, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ убогихъ бумажныхъ фонариковъ, повѣшенныхъ на оградѣ мѣстнаго собора, къ слову сказать, чуть-ли не единственнаго храма на весь Владивостокъ, если не считать домовыхъ и небольшой церкви на оконечности сравнительно далекаго отъ города мыса Эгершельда. Зато обиліе кабаковъ, трактировъ и веселыхъ домовъ. Главная улица города „Свѣтланская“ исчезла въ облакахъ густой, вѣдкой пыли. (Пыль эта, какъ оказывается, настолько вредна для глазъ, что, по распоряженію начальства мѣстной женской гимназіи, гимназисткамъ рекомендуется носить на улицахъ вуалетки). Вдоль деревянныхъ, полупровалившихся уличныхъ тротуаровъ сидѣли кучками мѣстные „кули“: китайцы и корейцы съ деревянными носилками на спинахъ, на подобіе тѣхъ, на которыхъ таскаютъ у насъ кирпичъ, вѣчно повторяя одинъ и тотъ же вопросъ: „работа есть?“ Такой кули жадно ждетъ, когда его кто-нибудь найметъ для переноски той или другой тяжести. Что ему нести, ему рѣшительно все равно: такъ, въ первый день Пасхи, я видѣлъ подгулявшаго мастерового, нанявшаго корейскаго кули таскать себя на спинѣ по Свѣтланской улицѣ. Кули шелъ со своей ношей вдоль тротуара. Мастеровой же, сидя на его носилкахъ, игралъ на гармоніи, а рядомъ по тротуару шла его расфранченная жена, или подруга. Есть и маленькіе кули: дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ. Ихъ употребляютъ преимущественно мѣстныя хозяйки, возвращающіяся съ базара. Количество китайскихъ и корейскихъ кули и манъ (рабочихъ) исчислялось во Владивостокѣ въ мою

бытность до 17.000, при общей цифрѣ населенія въ 30.000. Почти всѣ кули—корейцы. Мастеровые, большинство мѣстной прислуги, приказчики въ китайскихъ лавкахъ и яличники—китайцы. Какъ-то странно видѣть, какъ китаецъ-„нянька“ носить на рукахъ или возить въ колясочкѣ ввѣреннаго его попеченію ребенка. но, судя по общему отзыву, такая нянька гораздо благонадежнѣе мѣстныхъ русскихъ женщинъ.

Роскошные магазины, принадлежащіе фирмамъ „Кунста и Альбертса“, „Чурина“ и др., множество китайскихъ лавокъ съ шелками, японскихъ съ дорогими издѣліями изъ слоновой кости и черепахи, даютъ во Владивостокѣ широкій просторъ желаніямъ каждаго даже болѣе стойкаго покупателя. Въ магазинахъ „Кунста и Альбертса“ и „Чурина“, устроенныхъ на манеръ нашего Мюра и Мерилиза, можно найти рѣшительно все, начиная отъ предметовъ первой необходимости и до вещей, стоящихъ нѣсколько сотъ рублей.

Весьма интересна судьба особенно первой изъ этихъ фирмъ: Кунстъ и Альбертсъ были въ свое время простыми нѣмецкими шкиперами. Нынѣ же они владѣютъ многочисленными собственными судами и запленили почти весь Дальній Русскій Востокъ: кромѣ Владивостока, у нихъ имѣются отдѣленія еще въ Портъ-Артурѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, Срѣтенскѣ и въ Харбинѣ—центрѣ Маньчжуріи и мѣстопребыванія управленія Маньчжурской дороги. Къ сожалѣнію, дороговизна ихъ товаровъ далеко не соотвѣтствуетъ качеству ихъ. Къ тому же почти всѣ товары исключительно нѣмецкихъ фабрикъ. Нѣкоторымъ противовѣсомъ этой фирмѣ является Чуринъ, конкурирующій съ нею во Владивостокѣ, Портъ-Артурѣ и Благовѣщенскѣ, но цѣны и у Чурина достаточно высоки, при качествѣ товаровъ, уступающемъ, пожалуй, нѣмецкимъ фабрикантамъ. Нужно надѣяться, что найдутся въ недалекомъ будущемъ предприимчивые люди, которые открытіемъ торговли доброкачественнымъ товаромъ убили бы на далекой окраинѣ незаконную монополію вышеозначенныхъ двухъ торговыхъ домовъ.

Иное дѣло китайскія и японскія лавки. Здѣсь во многихъ случаяхъ просто поражаешься дешевизной и доброкачественностью товаровъ. Особенно хороши шелковыя матеріи, шелковыя, шитыя шелками же, ширмы, шелковые платки и издѣлія изъ слоновой кости.

За 80 к. — 1 р. 50 к. аршинъ можно получить великолѣпнѣйшее шелковое платье. За 2 р. 40 к. — дюжину тончайшихъ шелковыхъ носовыхъ платковъ. За 1 р. 80 к. шелковый, рас-

шитый шелками зонтикъ. Хороши также джутовые китайскіе самыхъ разнообразныхъ узоровъ ковры: маленькіе отъ 50 к. за штуку. Большіе (9 на 3 арш.): 10—12 руб. Ширмы въ 6 половинокъ можно получить цѣной отъ 6 р. 50 к. до 15 руб.

Весь этотъ товаръ идетъ сюда изъ Шанхая. Правда, приходится отчаянно торговаться, выходя и заходя обратно въ лавку по нѣсколько разъ. Китайскій продавецъ не сразу сдастся, а спускаетъ чуть не по одной копѣйкѣ заразъ, прокладывая каждую сбавку глубокомысленно на своихъ особаго устройства счетахъ, но во всякомъ случаѣ онъ васъ меньше обманетъ, нежели нашъ русскій лавочникъ. Весьма изящны также издѣлія изъ слоновой кости: тонкая художественная работа дамскихъ вѣеровъ (отъ 5 до 30 руб. за штуку); изящныя шахматныя шкатулки, портсигары и вазочки—все это сравнительно очень дешево.

Въ японскихъ лавкахъ, наоборотъ, торговаться нельзя: вездѣ цѣны безъ запроса. Здѣсь преобладаютъ издѣлія изъ лакированного дерева, кожи и черепахи. Особенно дешевы чайные и сахарные ларчики (20 — 30 коп. за штуку); этажерки, столики, пано и т. д. Черепаха же сравнительно дорога. Весьма практичны также японскіе футляры (изъ кожи) для карманныхъ часовъ. Въ Москвѣ я не могъ найти нигдѣ такого футляра, здѣсь же приобрѣлъ пару за 15 копѣекъ.

Но есть одинъ родъ китайскихъ лавокъ, куда европейцу никогда, пожалуй, не захочется заглянуть—это китайскія съѣстные. Здѣсь передъ самою дверью на циновкѣ сушатся громадныя кучи черныхъ морскихъ червей. Это такъ называемые „трепанги“—одно изъ любимѣйшихъ китайскихъ лакомствъ. Червь этотъ, напоминающій своею формою короткую сигару, составляетъ предметъ миллионныхъ торговыхъ оборотовъ въ Китаѣ и Японіи на-ряду съ другимъ мѣстнымъ излюбленнымъ блюдомъ—морскою капустой. Изъ съѣстной, кромѣ всякихъ тяжелыхъ для европейскаго обонянія запаховъ, несетя еще совершенно нестерпимый запахъ „черемши“—особой породы чеснока, который составляетъ любимую приправу вѣды cadaго простого китайскаго рабочаго. Запахъ этотъ настолько вѣдокъ и постояненъ, что покушавшій черемши, какъ бы пропитывается ею, и вы за нѣсколько шаговъ съ закрытыми глазами можете предугадать присутствіе китайца-простолюдина.

Поинтересовавшись мѣстнымъ рынкомъ, я отправился къ западному углу Золоторожской бухты, гдѣ этотъ рынокъ расположенъ. Двѣ трети всѣхъ продавцовъ—китайцы, получающіе свой товаръ съ многочисленныхъ, причаленныхъ тутъ же къ

берегу джонокъ. Здѣсь вы видите рыбаковъ, продающихъ цѣлыми связками свѣженаловленную, весьма внушительныхъ размѣровъ, камбалу, или громадныхъ краббовъ. Есть также сельдь, ловающаяся у береговъ Сахалина. Но ея сравнительно немного, такъ какъ главное количество сельдей, а именно около 1.200.000 пудовъ, употребляется на приготовленіе изъ нея удобрительнаго тука, который отправляется въ Японію, гдѣ идетъ на уваживаніе рисовыхъ полей. Тутъ же сидятъ китайскіе жестяники, въ самое короткое время изготовляющіе по вашему заказу любой величины жестяные и цинковые тазы, ведра, лохани и т. п. посуду. Китаецъ-жестяникъ замѣчательно честенъ: при заказѣ вы выдаете ему часть условленной платы впередъ, но, если исполненная работа вамъ почему бы то ни было не понравится, онъ безпрекословно или передѣлываетъ ее, или возвращаетъ вамъ задатокъ. Кокосовыя веревки, бамбуковыя плетенныя циновки, американская эмалированная посуда, огромныя лепешки-сыры изъ бобоваго жмыха; употребляемыя здѣсь для корма лошадей и скота: рисъ, ячмень, буда, бамбуковыя слезы, овощи, случайная старая мебель и т. д.—вотъ предметы торговли на здѣшнемъ рынкѣ. Тутъ же попались мнѣ два корейца: одинъ продавалъ двѣ весьма красивыя лисьи шкурки и просилъ по 1 р. 50 к. за шкурку; второй 5 соболиныхъ шкурокъ и отдавалъ ихъ за 50 руб., тогда какъ ему за нихъ болѣе 35 руб. никто не давалъ. Шкурки были, конечно, невыдѣланныя и не особенно темнаго соболя. Но за хорошую шкуру приходится и здѣсь платить не дешево, а именно — отъ 15 до 80 руб. за штуку, какъ въ виду трудности охоты на соболя, такъ и малаго количества этого звѣрка, почти поголовно уже истребленнаго въ сколько-нибудь доступныхъ мѣстахъ.

Отправившись послѣ осмотра рынка обѣдать на „Херсонъ“, я узналъ, что со стоявшаго рядомъ парохода Добровольнаго же флота „Ярославль“, на которомъ отправлялась партія ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ, въ предшествующую ночь бѣжали два особо-опасныхъ каторжника при слѣдующей обстановкѣ: наканунѣ, или дня за два до происшествія, раздавали каторжнымъ пожертвованную разными лицами одежду и, между прочимъ, синія блузы того же покроя, какой носятъ пароходные кочегары. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались оба бѣглеца: они одѣлись въ синія блузы, намазали себѣ лица и руки сажей и, раздвинувъ ночью два смежныя прута рѣшетки арестантской каюты, выходившей на палубу, какимъ-то образомъ протиснулись черезъ образовавшееся уширеніе и осторожно по-

ползли по палубѣ, намѣреваясь пробраться къ носу судна и тамъ какъ-нибудь спуститься къ водѣ, гдѣ могли уже вплавь добраться до какого-нибудь изъ близко-стоявшихъ китайскихъ яликовъ. Дежурный вахтенный замѣтилъ ползшія въ темнотѣ по палубѣ фигуры и, вообразивъ по ихъ костюму, что это парходные кочегары, пробиравшіеся къ женской половинѣ ссыльныхъ, помѣщавшейся въ носовой части судна, окликнувъ ихъ и разразившись бранью, приказалъ „убираться“. Тогда оба мнимые кочегара вскочили на ноги и преспокойно направились, по мостикамъ, соединявшимъ пароходъ съ пристанью, на берегъ. Одно крайне загадочно: возлѣ арестантскихъ каютъ день и ночь находится часовая.

Побѣгъ этотъ не преминулъ ознаменоваться началомъ цѣлаго ряда убійствъ, ибо оба бѣглеца принадлежали, какъ оказывается, къ разряду самыхъ опасныхъ рецидивистовъ: вскорѣ послѣ побѣга были убиты два китайца, затѣмъ случилось загадочное убійство американскаго агента Веллинга. Квартира несчастнаго примыкала къ наружной стѣнѣ моего номера, и въ ночь убійства я внезапно былъ разбуженъ, какъ мнѣ показалось, какимъ-то крикомъ. Не отдавая себѣ полного отчета и думая, что крикъ этотъ—плодъ моего собственнаго воображенія, и, прислушавшись еще нѣкоторое время, заснулъ. Утромъ же мнѣ сообщили о звѣрскомъ убійствѣ несчастнаго Веллинга, чуть ли не буквально изрѣзаннаго на куски, что заставляло предполагать отчаянную борьбу его со злодѣями. Спавшій въ одной изъ комнатъ его квартиры „бой“, то-есть китаецъ-слуга, какъ оказывается, ничего не слышалъ и, несмотря на клятвенное увѣреніе въ своей невинности, былъ арестованъ. При входѣ въ квартиру убитаго найдены 4 китайскія шапки. Но чрезвычайная симметрия, съ которой были брошены эти шапки и умышленная забывчивость убійцы, по мнѣнію опытныхъ людей, съ достаточною очевидностью показывали, что убійцы отнюдь не китайцы.

Какъ бы то ни было, мѣстные старожилы предупреждали меня, что, ложась спать во Владивостокѣ, слѣдуетъ класть подъ подушку заряженный револьверъ, класть же оружіе на ночной столикъ они не рекомендуютъ, такъ какъ былъ-де у нихъ такой случай, когда одинъ обыватель, имѣвшій обыкновеніе располагать заряженный револьверъ рядомъ съ собою на такомъ столикѣ, былъ найденъ зарѣзаннымъ въ своей постели, а револьверъ переложеннымъ въ заряженномъ же видѣ въ той же комнатѣ на другое мѣсто. Кромѣ того, тѣ же обыватели реко-

мендовали не ходить, по возможности, одному, а тѣмъ болѣе невооруженному, позже 7 часовъ по городскимъ окраинамъ. Количество полицейскихъ здѣсь крайне ничтожно, и несмотря на помощь военныхъ ночныхъ патрулей, о которыхъ я уже упоминалъ выше, безопасность горожанъ далеко не обезпечена.

Этому легко повѣрить, если принять въ соображеніе, что во многочисленныхъ хибаркахъ, расположенныхъ въ примыкающихъ къ самому городу оврагахъ, ютится множество безпаспортнаго люда. По признанію мѣстной полиціи, нѣтъ рѣшительно никакой возможности въ точности узнать, сколько такого подозрительнаго люда: считаютъ, что около одной трети всего населенія Владивостока не прописано или прописано подъ чужими паспортами. Особенно трудно съ китайцами: въ виду крайняго взяточничества китайскихъ властей, обставляющихъ выдачу „заграничныхъ“ паспортовъ непосильною для большинства бѣдняковъ-рабочихъ данью, таковые рѣдко когда живутъ подъ своими паспортами, а покупаютъ по дешевой цѣнѣ разные подложные, съ каковыми и являются во Владивостокъ на заработки. Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ такими рабочими весьма нерѣдко является и всякій отбросъ, между прочимъ, и представители знаменитыхъ китайскихъ „хунхузовъ“ (разбойниковъ).

Но главный контингентъ безпаспортныхъ безспорно бѣгле со сравнительно недалекаго Сахалина, имѣющіе, какъ оказывается, полную возможность, по мѣстнымъ условіямъ, долгое время безнакаванно скрываться во Владивостокскихъ предмѣстьяхъ.

Недолго продолжалось сравнительно хорошая погода: начался періодъ весеннихъ дождей, и резиновое пальто, зонть и высокіе сапоги сдѣлались волей-неволей моими ежедневными спутниками. Ходить въ такое время по владивостокскимъ улицамъ въ галошахъ далеко не всегда возможно: жидкая липкая грязь, цвѣта кофе, хорошо заправленнаго молокомъ, наполняетъ улицы во всю ширину. Деревянные, мѣстами уже прогнившіе мостки на вершокъ залѣплены тою же грязью, натасканною ногами пѣшеходовъ. Струйки, сбѣгающія со дворовъ и изъ водосточныхъ трубъ на тѣ же тротуары, заставляютъ прохожихъ ступать съ необходимою осторожностью въ отношеніи собственныхъ ногъ и платья. Гораздо опаснѣе переходъ черезъ улицу: осторожно опускаешь ногу въ грязь, и тотчасъ же чувствуешь, что галоша идетъ словно въ бездонную трясину. Въ то же время летитъ мимо васъ, обдавая съ головы до ногъ липкою грязью, экипажъ. Въ

отчаяніи вы рѣшаетесь, наконецъ, снова попытаться перебраться черезъ улицу, но опять чувствуете, что одна нога уходитъ куда-то глубоко, а другая неудержимо скользить. Тутъ вы уже не заботитесь больше о застрявшихъ въ пучинѣ галошахъ и, стараясь только „не выдернуть ногъ изъ сапогъ“, отчаянными прыжками перескакиваете на другую сторону улицы, при чемъ васъ напоследокъ обдаетъ новымъ потокомъ грязи проѣвжающей мимо извозчикъ. Картина эта нисколько не преувеличена, и слѣдуетъ отъ души радоваться, что въ недалекомъ будущемъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ мѣстнаго городского архитектора, будетъ приступлено къ устройству отводныхъ лотковъ, тротуаровъ и образцовой мостовой, на первое время—на главной Свѣтланской улицѣ.

Не въ лучшемъ состояніи чѣмъ городскія улицы находится и городской пожарный обозъ: убогій видъ бочекъ и пожарныхъ насосовъ, особенно человѣка, привыкшаго къ образцовымъ московскимъ и петербургскимъ пожарнымъ средствамъ, просто поражаетъ. Вотъ почему и не удивительно, что при бывшихъ здѣсь въ мою бытность 2-хъ большихъ пожарахъ, — лѣсной биржи и большого двухъэтажнаго каменнаго дома, ничего съ огнемъ сдѣлать не могли, а оставили все догорать и отстаивали по возможности лишь сосѣднія строенія.

Весьма характерны обстоятельства пожара дома. Онъ былъ населенъ преимущественно японцами. Двое изъ нихъ повздорили. Въ дракѣ одинъ зарѣзалъ другого, бросился затѣмъ на чердакъ, поджегъ домъ, а затѣмъ повѣсился тутъ же на чердакѣ. Замѣчу, что по словамъ лицъ, знакомыхъ съ обоими этими японцами, они до внезапной ссоры вовсе не были врагами. Случай же только подтверждаетъ общераспространенное мнѣніе о крайней вспыльчивости японцевъ. Такая отрицательная черта характера искупается зато многими весьма симпатичными сторонами ихъ нрава, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ просто удивительнымъ стоицизмомъ.

Мнѣ рассказывали, что лучшіе мѣстные массажисты—японцы, но всѣ они почти что слѣпые. Происходитъ это по нижеслѣдующей причинѣ: молодой японецъ, задумавшій сдѣлаться массажистомъ, поступаетъ сначала въ особую школу, гдѣ основательно знакомится съ анатоміей и всѣми практическими приемами массажа. Когда курсъ пройденъ и надлежащій экзаменъ сданъ, массажисту надкалываютъ глаза такимъ образомъ, чтобы онъ едва-едва разбиралъ предметы, какъ бы сквозь какую-то пелену. Отъ такого ослабленія зрѣнія сильно развивается, какъ

оказывается, чувство осязанія, что безусловно необходимо для хорошаго массажа. И только послѣ такой мучительной операціи кандидатъ-массажистъ получаетъ надлежащій дипломъ. Одинъ знакомый, заболѣвшій во Владивостокѣ рецидивомъ ревматизма, пользовался у такого японскаго массажиста и рассказываетъ чудеса про его искусство.

Воспользовавшись временнымъ перерывомъ дождя, я отправился осмотрѣть положеніе работъ на пристани Маньчжурской жел. дороги. Дорога эта примыкаетъ къ Уссурійской казенной желѣзной дорогѣ на станціи „Никольскъ“, въ разстояніи ста съ небольшимъ верстъ отъ Владивостока, но въ послѣднемъ у нея будетъ самостоятельная станція и пристань на оконечности мыса Эгершельда. Въ бытность мою были только вчера проложены пути отъ товарной станціи Уссурійской жел. дороги до будущей станціи Маньчжурской. Здѣсь же сдѣлана была подготовка станціонной площадки съ довольно значительными земляными работами. На временной пристани той же дороги шла выгрузка рельсовъ, прибывающихъ на пароходахъ Добровольнаго флота, вагонныхъ осей, колесъ и португальскаго цемента. Послѣдній идетъ сюда изъ Новороссійска и здѣсь пересыпается, почему-то, китайскими и корейскими рабочими изъ малыхъ десятипудовыхъ бочекъ въ бочки большихъ размѣровъ. Со стороны Никольска, какъ оказывается, проложено было уже 110 верстъ новой дороги вплоть до границы съ Маньчжуріей. Грузы, слѣдующіе на постройку внутрь Маньчжуріи, перевозились по Уссурійской желѣзной дорогѣ до станціи Иманъ на р. Уссуріи, а оттуда сначала по р. Уссуріи, засимъ по Амуру направлялись на пароходахъ и баржахъ Общества Маньчжурской дороги до станицы Михайло-Семеновской, находящейся какъ разъ при впаденіи рѣки Сунгари въ Амуръ. Рѣкой Сунгари грузы эти слѣдовали на протяженіи около 700 верстъ уже по Маньчжуріи до города Харбина, мѣста пребыванія администраціи по постройкѣ дороги, откуда уже и распредѣлялись по всей линіи.

Возвращаясь съ Маньчжурской пристани по другому берегу Эгершельдскаго полуострова, я услышалъ какіе-то заунывные однообразные вопли. Подойдя ближе, я увидѣлъ на самомъ берегу залива 14 корейцевъ, тянувшихъ какой-то канатъ, вдоль борта строящейся баржи, то въ одну, то въ другую сторону, сопровождая это движеніе вышеозначенными воплями. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ работы оказалось, что всѣ эти 14 человекъ заняты сверленіемъ *одной* дыры, для которой у насъ понадобился бы всего одинъ только человекъ съ хорошимъ семи-

восьминнымъ буравомъ. Работу свою они вели такъ: старикъ-кореецъ держалъ, сильно надавливая, нѣчто въ родѣ бурава, насаженнаго на огромныхъ размѣровъ катушку. Вокругъ катушки намотанъ канатъ, за одинъ конецъ котораго тянуло 6 корейцевъ, а за другой 7. При видѣ такого удивительнаго способа работы, я невольно прыснулъ отъ смѣха. За мною засмѣялись и всѣ корейцы, за исключеніемъ старика, державшаго буравъ, который сердито забурчалъ что-то себѣ подъ носъ.

Неказиста природа, неказистъ народъ Владивостока, неказисты и убоги его развлеченія: музыка въ городскомъ саду по праздникамъ, гастролы убогой малорусской труппы въ какомъ-то сараѣ. Жалкій кафе-шантанъ „Италія“ на другомъ берегу Золоторожскаго залива—вотъ и всѣ наличныя удовольствія Владивостокцевъ, если не считать китайскаго театра. Театръ этотъ, устроенный мѣстнымъ подрядчикомъ Чинъ-шанъ-ли, работаетъ очень бойко. Труппа состоитъ вся изъ мужчинъ.

Въ день пріѣзда во Владивостокъ я заявилъ немедленно о своемъ прибытіи главному инженеру (черезъ посредство мѣстнаго старшаго агента Китайско-Восточной дороги, завѣдывающаго судходствомъ, тягою, движеніемъ и гужевымъ транспортомъ Китайской Восточной жел. дороги инженера С. М. Ваховскаго), живущаго въ городѣ Харбинѣ въ центрѣ Маньчжуріи. Инженеръ Ваховскій сообщилъ мнѣ, что никакихъ распоряженій о дальнѣйшемъ моемъ назначеніи у него нѣтъ, но что, въ бытность свою въ февралѣ с. г. въ Харбинѣ, онъ только слышалъ отъ главнаго инженера, что ожидаютъ меня.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

